

памятники византийского и омейядского времени как римские. Необходимо также подчеркнуть, что подобные взгляды были не частным явлением, но частью официальной политики Франции. Задача французских властей состояла в том, чтобы возродить инфраструктуру, существовавшую в эпоху Римской империи, и тем самым добиться перехода местного населения от кочевничества к оседлости и, соответственно, умиротворения страны.

Имелось еще одно обстоятельство – А. Пуадбар был прежде всего военным человеком, причастным к проблемам разведки¹⁸. На все памятники, которые он обнаруживал, он смотрел «военными глазами». Он видел системы укреплений на границе, линии коммуникаций, источники снабжения, часто даже там, где этого не было вовсе. Настроенность мышления на определенный стереотип заставляла группировать и интерпретировать факты соответствующим образом.

Наконец, необходимо указать на еще одно обстоятельство – сам уровень археологической методики того времени. Как отмечалось выше, А. Пуадбар стремился «верифицировать» свои наблюдения и выводы. Иногда это достаточно легко удавалось – в тех случаях, когда ему помогали латинские надписи. Попытки же проверить выводы археологическими методами оказывались, с сегодняшней точки зрения, безуспешными.

Наглядное подтверждение этому – раскопки в Телль-Браке¹⁹. Дело даже не в том, что рядовой археологический материал из этого района был совершенно неизвестен. Дело в том, что на него просто не обращали внимания. Ни керамика, ни даже монеты не исследовались (да, в сущности, даже и не фиксировались), А. Пуадбар интересовался только архитектурой²⁰. Все эти обстоятельства неизбежно приводили к ряду aberrаций, в силу чего значительная часть исторических выводов А. Пуадбара сейчас оказалась отвергнутой.

Подводя итоги, мы можем сказать, что данный сборник представляет очень большой интерес. Статьи, представленные в нем, не только воскрешают в памяти заслуги выдающегося деятеля археологии, но и заставляют думать о том, как важно знать общий исторический контекст, в котором проходили исследования, для того чтобы понять путь умозаключений ученого и правильно оценить его выводы.

Г.А. Кошеленко

© 2002 г.

MONETTE BOHRMANN. Valeurs du judaïsme du début de notre ère / Préface de Pierre Lévêque. Bern etc.: Peter Lang, 2000. XVIII, 196 p.

Книга Монетт Борман «Ценности иудаизма в начале нашей эры» состоит из одиннадцати очерков по истории иудаизма I в. по Р.Х., в основном публиковавшихся на протяжении последних десяти лет в журнале «Dialogues d'Histoire Ancienne». Наиболее подробные очерки: «Концепция истории в иудаизме» (с. 5–15), «Дождь в античном иудаизме и половодье Нила в Египте» (с. 27–36), «Ритуальная чистота в понимании ессейской общины» (с. 37–61), очерк, посвященный обвинениям иудеев в «несмешении (с другими народами)» и в «безбожии» как логическим следствиям иудейского монотеизма (с. 63–92), «Закон в иудейском обществе» (с. 93–146), «Раб в иудейском законодательстве» (с. 147–162). Три небольших очерка посвящены Иосифу Флавию.

¹⁸ Многие французские офицеры времени мандата позднее стали известными исследователями археологического прошлого Сирии. Достаточно вспомнить графа Дю Менил де Буиссона, сделавшего столь много для изучения искусства Дура-Европос, или Ш. Дильманна, бывшего офицером разведки в это время и создавшего позднее классическую работу по исторической географии Верхней Месопотамии (см. *Dilemann Ch. Haute Mésopotamie et pays adjacents. P., 1965*). Эти примеры легко умножить.

¹⁹ Отметим, кстати, что роль рабочих-землекопов выполняли на этих раскопках солдаты французской армии, как, впрочем, и в Дура-Европос во время раскопок Ф. Кюмона.

²⁰ Об уровне методики в археологических исследованиях на Переднем Востоке того времени см. *Leriche P. M. Dunand et l'archéologie au Proche-Orient au début du XXe siècle // Topoi. Orient – Occident. V. 5. Fasc. 2. 1995. P. 435–451.*

Все очерки написаны доступно для широкого читателя, а в приложении к книге он может найти даже план Талмуда (с. 187–189). Читатель, однако, не найдет в очерках не только подробного исследования ни одной из заявленных тем (что предполагало бы полноту обзора источников и историографии), но даже и введения в современное состояние изучения соответствующих вопросов. Обычно автор довольствуется немногими ссылками на источники («дежурные» источники, которые всегда наготове: Иосиф Флавий, Талмуд – без обсуждения сложных проблем верификации талмудических преданий относительно I в. – и те кумранские документы, которые были введены в научный оборот не менее 30 лет назад) и уж вовсе случайными упоминаниями исследовательских работ. На первый взгляд, все это создает впечатление, что книга скорее находится за гранью, отделяющей научно-популярную литературу от дилетантизма в науке, нежели балансирует на этой грани¹.

Но, пожалуй, это первое впечатление не будет верным. Читатель, для которого М. Борман не станет его первым автором об иудаизме эллинистической эпохи, также сможет найти в ее книге, над чем задуматься.

Очерк о дожде и о половодье Нила отличает большое изящество и мысли, и композиции. Автор показывает совершенно симметричную противоположность воззрений иудеев и египтян. Для иудеев дождь – Божие благословение, с которым связаны многие религиозные обряды, особенно чинопоследования в праздник Кущей. Наводнение для иудеев – это «потоп», с которым, понятно, никаких хороших ассоциаций не связано. Совершенно противоположно отношение к «потопу» у египтян – что, конечно, не могло не подчеркивать лишний раз (в глазах иудеев) inferнальную природу их религии, да и их самих...

Соображения М. Борман о том, что поведение иудеев в языческом окружении было логическим следствием «взаимоотношений» их Бога с богами языческими, хотя и не кажутся абсолютно новыми, но, безусловно, выигрывают внятностью изложения, достигнутой в свою очередь удачным использованием цитат из источников (с. 63–92).

Интересные ассоциации вызывает очерк о иудейской концепции истории, который посвящен реценции в историографической (если можно так выразиться) традиции талмудического иудаизма событий от Маккавейских войн до восстания Бар-Кохбы. Автор пишет о «пренебрежении историей (*mépris de l'histoire*)» как о характерной черте именно Талмуда и раввинистического иудаизма (с. 7: «... le désintéressement pour la chronologie est inhérent à la nature spécifique des sources juives, où le fait historique est interprété en fonction des *a priori* du judaïsme»). Автор приводит чрезвычайно удачный пример подобного «ан-историзма» иудейской традиции – «праздник» (точнее, пост) 9 числа месяца *ав*, установленный в память о разорении Храма. В каком году? Как раз это и не уточняется. Автор справедливо видит здесь подтверждение своего вывода «... относительно пренебрежения хронологией во имя *смысла*» (с. 11). Однако для доказательства другого ее вывода – о том, что данная черта раввинистического иудаизма была для него *специфична*, – следовало бы рассмотреть, как обстояло дело с историзмом в «соседних» религиозных традициях. Если бы М. Борман это проделала, то она не стала бы говорить ни о какой «специфичности» подобного явления для иудаизма.

Обратившись к традиции христианской, мы узнаем, что христианская агиография строится точно по такому же принципу. Мы говорим в данном случае не обо всей агиографии, а о той ее части, что создается как бы «стихийно», в процессе естественного развития преданий, – того, что великий болландист о. Ипполит Делеэ назвал «*Passions épiques*»². Абсолютная хронология, т.е. собственно даты, не интересуют ее вообще. Нередко они вводятся (в виде приурочения действия к определенной эпохе), но фиктивны – только для создания «исторического» контекста, который на самом деле является не историческим, а символическим. Есть, однако, два параметра, которые обладают наибольшей стабильностью и обычно связывают даже самое символическое житие с нашей грубой действительностью. Отец Делеэ – бывший преподаватель

¹ Особенно удивляет очерк о ритуальной чистоте у ессеев, в котором не обсуждаются взгляды даже Л. Шиффмана, равно как и все современные представления о происхождении ессеев и о разделении иудейского мира на секты (автор цитирует лишь работы 1950-х годов!). Само собой, что и кумранские документы при таком подходе попадают в поле зрения автора слишком выборочно – лишь те, что были опубликованы свыше 30 лет назад. Более древний ветхозаветный «фон» этих представлений – знания о котором столь обогатились в последнее время благодаря исследованиям Я. Мильгрона и его школы, сосредоточенным вокруг книги Левит, – также совершенно вне поля внимания М. Борман.

² Его основополагающая работа, вышедшая впервые в 1921 г.: *Delehaye H. Les passions des martyrs et les genres littéraires. Deuxième édition, revue et corrigée. Bruxelles, 1966* (Subsidia Hagiographica, 13 B). Сказанное здесь о мученичествах *mutatis mutandis* легко переносится на агиографические рассказы о всевозможных реликвиях.

математики – назвал их «агиографическими координатами». Это день памяти (как, в нашем «иудейском» случае, 9 ава) и место мученичества (в нашем случае, когда речь о Храме, оно очевидно)³.

Итак, наблюдения М. Борман о специфике восприятия истории в иудаизме говорят не очень много именно о специфике, однако безусловно представляют интерес для выяснения иудейских корней христианской агиографии. В то же время, гораздо более разработанные теоретически методы изучения христианской агиографии могли бы, вероятно, помочь при изучении преданий талмудического иудаизма.

Иногда М. Борман и сама касается иудео-христианских отношений. Нельзя сказать, что те исследования, которым она верит в этой области на слово, всегда были самыми убедительными. Чего стоит, например, вывод о заинтересованности христианства в существовании иудаизма до скончания века, да еще и в такой формулировке: «Les Juifs ne doivent pas disparaître (le christianisme ne peut pas éradiquer son origine)», подтвержденный лишь фразой Августина о том, что у иудеев есть собственное место в мировом порядке – «свидетельствовать о своем нечестии» (с. 88–89). Христианству, хотя бы в лице Августина, тут приписывается нелепая мысль о том, что для доказательства своей легитимности оно заинтересовано в сохранении «нечестия». Христианский взгляд на мироустройство (т.е. на заведомо греховное устройство нашего мира) понимается как *заинтересованность* христианства именно в таком мироустройстве. Между тем, столь грубых ошибок легко можно было бы избежать, если бы из современной историографии иудео-христианских отношений не «выпало» фундаментальное исследование: D. Judant. Judaïsme et christianisme. Dossier patristique (Paris, 1969)⁴.

Некогда Вольтер о другой книге сказал, что в ней «все, что ново, то неинтересно, а что интересно, то не ново». Эти слова нельзя полностью отнести к обсуждаемой работе. Итак, ознакомиться с книгой М. Борман все-таки стоит. Там есть и новое, и интересное.

В.М. Лурье

³ См. подробно: *Delehaye H. Cinq leçons sur la méthode hagiographique. Bruxelles, 1934 (Subsidia Hagiographica, 21). P. 7–17.*

⁴ Этому глубокому и чисто академическому исследованию не повезло по цензурным условиям. Оно было написано как почтительная критика обоснования того нового отношения Римско-католической церкви к иудаизму, которое было сформулировано II Ватиканским собором. Автор – сама бывшая иудейка, обратившаяся в католичество, – ограничилась простой констатацией святоотеческих воззрений на иудаизм (которые, по ее мнению, и должны были бы отождествляться с позицией Церкви). Несмотря на предисловие римско-католического епископа, книга была уже издана без *imprimatur*, т.е. на нее не удалось получить того разрешения церковных властей, с которым выходит огромная часть научных публикаций католических авторов. Отторгнутая даже в католической среде, она пришлась тем более «не ко двору» в эпоху последующих – более идеологических, нежели академических – иудео-христианских «диалогов». «Заговор молчания» вокруг монографии Жюдан в начале 1970-х годов привел к тому, что многие современные исследователи просто не подозревают о ее существовании.